

РАСКАЗЫ

МАРУСЯ

Город начинался с кладбища. Каждый приезжий сначала должен был вспомнить о мертвых, прежде чем попасть к живым. Маруся гуляла вдоль могил и собирала цветы. У подруги был день рождения, а денег у Маруси не было. Букет получился славный. Маруся даже подумывала обернуть его лентой, но подходящей не находилось — были только «любимому зятю», «деду от внуков» или полинялое «По...м. ...им. Скорб...».

Марусе было весело. Громко пели вороны, из церквушки со свежескрашенным куполом доносились звуки телевизионной передачи — это поп Георгий смотрел «Кулинарное шоу». «Четыре часа», — подумала Маруся. Подруга ждала ее в гости к семи. Маруся решила еще немного прогуляться. Она шла и читала добрые надписи, оставленные живыми в награду мертвым за их грехи и страдания.

За кладбищенской оградой показалась похоронная процессия. Старушка в черном, стройная женщина в платке, девочка лет пятнадцати, худой юноша, парочка стариков и высокий, широкий в плечах, седой мужчина средних лет. Маруся узнала его. Было время, когда она любила этого человека. Любила, как говорила ее подруга, без памяти. То есть отдавалась ему, забывая, что он женат и имеет двоих детей. Обычно вспоминал об этом он. Одевался и уходил домой. Тогда Маруся плакала, но не очень долго. Ей было немного лет и хотелось радоваться жизни. А грустить не хотелось.

Маруся прижала букет к груди так, чтобы в георгинах и хризантемах спрятать лицо, и пошла за процессией. Гроб пронесли мимо церкви.

— ...Шесть ломтиков ветчины и щепотку толченого розмарина, — донеслось оттуда.

Маруся на секунду остановилась, закрыла глаза и представила себе розмарин. Ей привиделось огромное растение с мясистым стеблем и крохотным розовым бутонем. Маруся наклонилась к нему, чтобы понюхать, и в середине цветка увидела глаз. Голубой, с черной каемкой вокруг зрачка. Это был глаз любимого мужчины. Иногда, когда они лежали на кровати и делать было уже нечего, Маруся закрывала ему лицо руками. Так, чтобы оставался виден один глаз. Он казался Марусе похожим на маленькое животное, пугливое и древнее.

Процессия уже повернула за угол, и Марусе пришлось прибавить шагу. Место для покойника было приготовлено хорошее — с кованой оградкой, с разлапистой ивой. Правда, сейчас дерево было голым и под ногами хлюпала грязь, но Маруся знала: летом здесь настанет тень и душистый липовый цвет.

Гроб поставили у свежесрытой ямы. Любимый мужчина хоронил отца. Маруся догадалась об этом по их сходству. Нос у покойника тоже с горбинкой и широкими крыльями, похож на птеродактиля.

Виктория Захаренко родилась в Иркутске в 1986 году. В 1996-м переехала с семьей в Казахстан, в Алма-Ату. В 2011 году поступила в Санкт-Петербургский университет кино и телевидения. Окончила режиссерскую мастерскую в 2016 году.

Умерший был художником. У Маруси дома висели три его пейзажа. Осенний, зимний и летний день в городе. На одной из картин можно было разглядеть две маленькие фигурки. Любимый мужчина утверждал, что это его мать и он сам. А еще он рассказал Марусе, почему ненавидит художников. Когда любимый мужчина был четырехлетним мальчиком, он залез на узловатую старую яблоню, и ветка под ним подломилась. Отец тут же, в саду, писал натюрморт. Мальчик звал на помощь, а отец приговаривал:

— Подожди немного, у меня краска сохнет.

Гроб опустили. Старушка кинула горсть земли, другие тоже стали закидывать мертвого человека почвой, чтобы он стал удобен для роста новой жизни — травы, цветов и разных насекомых. Все молчали и не смотрели друг на друга, потому что никто до конца не знал, как чувствовать горе. Тогда Маруся заплакала. Чтобы душе художника, если она еще могла слышать, не было скучно отлетать от тела в полной тишине. Любимый мужчина посмотрел на Марусю и тоже заплакал. Появление новой могилы стали праздновать выпивкой и угощением. Жена любимого человека угостила Марусю водкой, а его дочь подала ей бутерброд с колбасой. Маруся выпила и твердо решила уехать. Ей показалось нелепым жить в городе, который начинается с кладбища.

В семь часов со станции отходил тепловоз. Он тащил за собой в другие города грузовые вагоны, и Маруся иногда ходила провожать его. Тепловоз, по старой дружбе, мог бы захватить и ее. К тому же нужных вещей у нее не было, и весила она не так уж много. Марусе мешал букет. Он упрямо напоминал ей о подруге и других крепких человеческих связях. Маруся подошла к обрыву. По дну глубокого оврага текла глинистая речка. Все, что не пригодилось в хозяйстве, жители города складывали вдоль ее берегов. Несколько людей уже обжили эту местность. Они спали на картоне, укрывались чужой одеждой и ели остатки чужой пищи. Маруся немного позавидовала их свободе, ведь им не надо было заботиться о себе самостоятельно. Все доставалось им даром, а на их долю выпадала лишь радость жизни. Маруся размахнулась и бросила букет речным жителям.

Тепловоз уже дышал тяжело и ровно. Обходчик простукивал его железные члены, проверяя, можно ли сегодня безопасно тронуться в путь. Дверь в грузовой вагон была открыта, и Маруся легко забралась внутрь. Тепловоз напоследок свистнул и отвалил от станции. Вскоре Маруся сквозь щели в стенах вагона перестала различать кладбищенскую ограду, белый купол церквушки мелькнул и исчез. За спиной у Маруси кто-то фыркнул — это лошади ехали на машине, построенной людьми, в другой, далекий город. Маруся укрылась сеном и уснула.

В новом городе Маруся стала работать продавщицей. Она подбирала барышням нарядные платья, свитера и брюки. У Маруси появились шляпка, пара перчаток и один ухажер. По вечерам Маруся пила чай и иногда тосковала. Она ложилась на кровать и чувствовала, как под веками скапливаются слезы. Плакать Марусе было не о ком — свою мать в последний раз она видела, когда была совсем маленькой, и уже забыла помнить ее. Плакать о подруге не получалось — она была живая и даже не писала Марусе, поскольку не знала ее адреса. Любимый мужчина остался в памяти только радостью, поэтому слезы Маруси были о себе самой. Она шевелила пальцами и плакала о том, что слишком мало в них силы и не выйдет дать сдачи, когда в магазине барышни обзывают ее дурой и тощей селедкой; ощупывала впалую грудь и плакала, что если родится ребенок, то будет жить недолго, так как умрет с голоду — ведь не может быть, чтобы нашлась в худой Марусе полезная еда для нового человека. Когда заканчивались слезы о себе, Маруся плакала о животных и соседских детях. После тоски хорошо спалось. Утром Маруся просыпалась с новым весельем в сердце и шла

в магазин, где каждый день с ней здоровались разные мужчины и женщины и где можно было бесплатно трогать руками шелк и даже примерять летние сарафаны.

Через два года в гости к Марусе приехала подруга. Она нашла ее через адресный стол и нисколько не обижалась на то, что перед отъездом в новый город Маруся не поздравила ее с днем рождения. Подруга растолстела и привезла с собой мужа. Он мало говорил и часто ходил за продуктами. Пока подруга рассказывала Марусе про себя, муж трудился. Он резал овощи на маленькие кусочки и опускал их в кипящую воду, ветчину превращал в тонкие полоски и укладывал их на хлеб. Устроив уют, он ушел курить во двор. Маруся ела мало — привыкла хранить свое тело в худобе, чтобы оно было удобным в использовании и приятным для мужского глаза. От подруги Маруся узнала, что речку с глиняными берегами очистили от мусора и возвели на ее берегу крематорий. Кладбище городу больше не было нужно, потому что мертвых людей теперь стали сжигать в печи, а пепел от них складывали в урны и дарили родным. Подруга заплакала, представив, какой маленькой будет урна с Марусей — ведь совершенно ясно, что для такого тела хватит и спичечного коробка. Но Маруся успокоила ее, пообещав, что до смерти обязательно потолстеет и подруге не придется краснеть за крохотную урну перед соседями.

Муж и подруга улеглись спать на Марусиной кровати, а сама она сидела рядом и смотрела на них. Видеть сны рядом с чужими людьми Маруся не могла. Ее сбивали с толку храп и другие посторонние звуки, получавшиеся из спящих людей. Она вспомнила, как в детстве лежала в кровати, зажав уши. За простыней, отделявшей Марусино пространство от других, храпел отец. Маруся злилась и уходила спать в кресло. Но комната в доме была одна, и найти тишину все равно не получалось. А потом отец умер, и Маруся отвыкла от своей злости на него.

Теперь Маруся ненавидела подругу и ее мужа: за два года она привыкла к одиночеству и собственным снам. Когда гости собрались уезжать, Маруся снова стала счастливой. Целуя Марусю на прощание, подруга сунула ей письмо. Это были слова любимого мужчины. Он писал, что совсем забыл жену и пребывает в покорном ожидании Маруси. Подруга ласково шепнула, что обязательно передаст ему адрес.

Назавтра Маруся уехала из нового города. Но больше ее не тянуло путешествовать с лошадьми. Маруся купила чемодан, уложила туда шляпу и перчатки, в газету завернула остатки ветчины, нарезанной мужем подруги, и попросила ухажера проводить себя. Он поставил чемодан на верхнюю полку в купе, поцеловал Марусю в щеку и помахал вслед поезду.

Деревня, где жила Марусина мать, утопала в тумане, и со станции не был виден еще ни один дом. Маруся сняла обувь и пошла пешком. Земля приятно холодила ступни, и чемодан был легким. И подумалось Марусе, что теперь все станет простым и понятным. Здесь была тишина и хранились детские Марусины тайны. В лесу Маруся легла на траву, чтобы вспомнить запахи и от их узнавания стать веселей.

Возле дома Марусю никто не встретил. Даже пес не залаял, а продолжал лежать на боку. Маруся подошла ближе. Собачьи глаза остекленели и, не моргая, глядели куда-то мимо Маруси. Вставшая колом шерсть прикрывала скелет. Ни одной жиринки не было в теле пса. Маруся с удивлением погладила животное по морде. Когда она несла этого щенка за пазухой, он был живой, толстый и пах молоком. Маруся брала его с собой в кровать, а когда уехала из деревни, поспешила забыть. Ей казалось, что есть связь между собакой и хозяином, и если Маруся перестанет помнить о псе, то и ему станет легче.

Даже будучи мертвым, пес приносил пользу: его окружили муравьи и жуки и начали отрывать себе кусочки еды. Маруся отвернулась, не зная, что чувствовать, и вошла

в дом. Все здесь было старым и потрепанным. Ни крошки еды не было в этом доме, ни мебели — все было распродано за долги, как потом рассказали Марусе соседи.

Маруся и сама не знала, почему бросила мать. Просто однажды она решила, что пора повидать города, стать взрослой и начать мечтать о своем. Мать Марусю не отпускала, кричала и разорвала всю дочерину одежду. Тогда Маруся тайком пошла себе новое платье и сбежала ночью через окно

Худое тело матери лежало возле колыбели. Под ним барахтался маленький человек. Маруся подняла мать на руки — та была легкой от недоедания и не гнушейся от смерти — и вынесла на улицу.

На пригорке Маруся вырыла две ямы. Одну для матери и другую для пса. Попрощалась с мертвыми, укрыла их землей и только потом вернулась к живому. Сидя на полу, Маруся разглядывала руки и ноги своего никогда не виданного брата и слушала его голодный крик. Радость жизни покинула Марусю. Но в маленьком теле было так много новой силы, оставленной матерью, что вскоре она передалась и Марусе. Взяв человека на руки, Маруся достала свою маленькую грудь и сунула ему. Брат затих, и Маруся впервые поняла, зачем жить дальше.

ОДИНОКИЙ

Земля была жирная. На совесть. Такая была земля, что Павел иногда останавливал свою тяжелую машину с железным ковшом, садился близко-близко к земле, брал ее в пригоршню и дивился.

— Ни крупиночки лишней. Все для пользы.

Земля была полна жизни — она рассыпалась от Павловых прикосновений жуками, червями и прочими насекомыми.

Вставали за Павловой другие машины, гудели ему, торопили Павла. И он вновь принимался за труд. Машины двигались вдоль очень ровной и очень прямой дороги. Работали споро: взрывали землю ковшами, гусеничным ходом, готовили место для больших черных труб, лежащих поодаль.

Вечером товарищи Павла — мужчины разных возрастов с коричневыми, точно пергаментными лицами — устроились на отдых вдоль машин и брезентовых палаток. А Павел решил — дождался попутки и поехал в район.

* * *

— Какую землю в асфальт закатали! Надо, чтобы она пользу давала, служила человеку.

Павел сидел в чистом и светлом кабинете. Здесь уже горел электрический свет, начальник — плотный мужчина с выразительным носом и светлыми голубыми глазами — курил у окна, глядя в теплый, мигающий фонарями вечер, и внимательно слушал Павла.

На столе перед Павлом горсткой лежала земля.

— Что же, дорогу, по-твоему, убрать надо?

— Зачем убрать. Пусть в обход. Туда, где земля посуше, поскромнее.

— Чудной ты, Павел, — удивился начальник, выбросил окурок, достал из ящика лист плотной бумаги, развернул его во всю ширину своего стола. — Смотри. Вот дорога. Вот здесь... — начальник взял привезенную Павлом землю и распределил ее вдоль начерченного шоссе, — будет тепловая магистраль. А здесь, — начальник поставил

у края дороги чернильницу, — город построим. Сообразил, как земля должна служить человеку? По-новому. Обогревая его.

Павел ничего не ответил. Собрал землю обратно в газету, газету сунул в карман и ушел из кабинета — думать о будущем городе.

* * *

Ночью, когда все уже спали, Павел стоял у кромки асфальта, там, где заканчивалась дорога и начиналась земля. Павел представил за ней громадный город с высокоэтажными домами и металлическими крышами. Из труб города шел дым, всюду в окнах горел свет. И сам он, Павел, заходил в свежепобеленный подъезд, поднимался на лифте на самый последний этаж — ни много ни мало, пятьдесят девятый, открывал дверь в новую квартиру, и следом за Павлом входила в дом его невеста — красивая и нарядная. Вместе они шли на балкон — глядеть на рассыпавшиеся у подножия дома огни. И город шумел у Павловых ног, точно море в час прилива, и сердце трепетало от радости и любви.

* * *

Павел проснулся первым. Расстегнул дверь палатки, впуская воздух и свет, наскоро умылся и принялся за работу — чтобы быстрее получились магистраль и новый город. Вскоре за Павловой выстроились все машины. К полудню солнце нагрело асфальт, воздух затрепетал от жара, и когда Павел смотрел на машины, ему казалось, что они не едут по земле, а парят в воздухе.

Вскоре машина Павла, идущая во главе колонны, резко встала — точно наткнулась на невидимую преграду. Загудели привычно товарищи, призывая его к труду и порядку, но Павел не торопился. На пути машины стоял синий могильный памятник. Без надписей. Без портретов. Вроде есть под ним могилка, а вроде и нет. Походил вокруг Павел, попримеривался и пустил машину в обход.

К вечеру вокруг могилы образовался земельный нарост, не тронутый машинами. А на следующий день мужчины на работу не вышли. Тщетно заходил Павел в палатки, молил, уговаривал. Получал один ответ:

— Копать не буду.

Разозлившись, Павел отправился к синему памятнику. Тер его вехоткой, взятой из машины, точно надеялся отыскать имя того, кто мешает ему, Павлу, устроить тепло для будущего города. Ни одной буквы не проявилось на памятнике. Только солнце стало ярче гореть в натертом до блеска железе.

* * *

— Не могу я принять работу. Участок не вскопан, — сочувствовал Павлу начальник.

— Покойник там!

— У меня в плане никакого покойника нет, — терпеливо объяснял он. — Площадь два гектара. Вскопана? Нет.

— Это что же, до холодов там сидеть? Они копать не будут.

— До холодов нельзя, — расстроился начальник. Ему не хотелось заботиться о Павле, а хотелось скорее принять работу. — Придумай что-нибудь, Павел, — попросил начальник и спрятался за свои бумаги.

* * *

Вокруг могилы молчали старики. Глядели на синий памятник. Думали. Павел ждал.

— Не Иван, — сказал сухой высокий старик с гривой вьющихся серебряных волос. Голос у него был крепкий и звонкий. Молодой голос. Старики покивали, соглашаясь, и вновь стало тихо. Павел ждал.

— Иван на тридцать пять километре лежит, — подала голос старуха в шелковой косынке, из-под которой выбивались на удивление черные, не тронутые сединой волосы. Старики опять покивали. Павел стал терять терпение. Прошелся за спинами стариков, подошел к памятнику, облокотился на него, обвел взглядом красивые, высушенные солнцем и работой лица.

— Не Иван, — сообщил старик Павлу. Повернулся, и точно шелест прошел по лесу — развернулись вслед за ним старики и старухи, намереваясь уйти от Павла и ничейной могилы. Павлу вдруг почудилось: многоэтажный город, точно мираж в пустыне, стал качаться, таять и исчезать, рушиться прямо на глазах.

— Люди, — взмолился Павел. — Дорогие! Выкопайте вы его, похороните. Вон у вас кладбище какое, — он показал на холм, ощетилившийся крестами. — Хорошее, зеленое. И недалеко.

— Не положено, — сказал старик, обернувшись к Павлу. Его спутники согласно закивали.

Павел в несколько шагов оказался у своей машины, достал из бардачка папку со старыми путевыми листами, подал старику.

— На! Пиши тогда!

— Что?

— Пиши, что отказываетесь от захоронения, претензий не имеете.

— Не положено, — сказал старик и побрел к своему холму, кладбищу и невидимой отсюда деревне, где любили и живых, и покойников, но только тех, которых знали и помнили. А забытых любить не хотели — не положено. Медленно и торжественно удалялись от Павла гордые и молчаливые старцы.

Павел в сердцах скомкал путевой лист, хотел сунуть прямо в красивое лицо старика, но сдержался. Пошел к палаткам.

Там спали рабочие — кто прямо на земле, расстелив одеяло, кто в гамаке, натянутом между машинами. Павел подошел к одному из спящих, тронул за плечо.

— Костя. Кость.

Костя открыл глаза, сощурился на солнце.

— Ты, Павел?

— Я. — Павел сел на колесо, опустил большие руки, уже отвыкшие быть без работы. — Что делать, Костя?

— Спать, — ответил Костя и повернулся на бок. — До холодов поспим, а там — домой. Могила не дорога. Ее просто так не объедешь.

— А магистраль? А город?

— Станный ты человек, Павел, — Костя еще помнил свой сон и хотел вернуться в него, оттого был строг и немногословен. — Платят не за магистраль, а за месяц. Спи.

Больше Костя ничего не говорил. Молчал и Павел. Чувствовал, как злость подбиралась к животу и рукам. Совсем невдалеке высился памятник человеку, который даже мертвый был сильнее Павла. Этого Павел вытерпеть не мог. Схватил из своей машины железный инструмент, бросился к синему памятнику и стал колотить по нему. Павла уняли, отняли железо, усадили за стол и налили водки. Павел выпил много и скоро стал пьян и растерян.

— Я его знать не хочу, — плакал Павел, заглядывая в лица рабочим, ведущим его мимо памятника в палатку. — Он мне, может, всю жизнь испортил. Я, может, только мечтать научился. А он... Давно себе умер, а все не успокоится. Вот человек...

Павла уложили спать, закрыли молнию на входе в палатку и отправились играть в нарды. Ночь была лунная, и свет луны играл на памятнике. Павел этого не видел. Он спал. И снилась ему невеста, в легком сарафане и босоножках, идущая вместе с ним по асфальтовой дороге. Когда дорога кончилась, невеста отвернулась от Павла и крикнула в ночь:

— Иван! — крикнула и побежала по вскопанной земле к кому-то невидимому для Павла. — Иван!

Павел сел в свою машину, нажал на рычаги, замахнулся железным ковшом и ударил по синему памятнику.

* * *

Утром руки ему никто не подал. Сели в кабины, стали вскапывать землю ковшами, грызть гусеницами. Костя зацепил крюком покореженный памятник, отволоч его к обочине. Павел постоял у своей машины, чувствуя, как обида и горечь подступают к горлу горячим комом. Плюнул сквозь зубы:

— Да пошли вы все.

И принялся за работу вместе со всеми.

Вечером, когда участок был вскопан и в земле не осталось ни одной нетронутой жилки, Павел пошел к краю дороги. Кромка асфальта лежала у его ног, а впереди бороздами вздыбилась земля, и Павел закрыл глаза, желая вновь увидеть громадный город с высокэтажными домами и металлическими крышами. Но впереди была одна густая темнота. Павел вернулся к палаткам, сел с краю, у своей машины.

— А могилы там и не было, — услышал он звонкий молодой голос. У покореженного памятника стоял старик. — Баловство одно. Художник здесь жил. Одинокий. Фамилия такая. Прямо за тем холмом. Картины писал. Недолго тут прожил. А когда уезжал, памятник себе поставил, чтобы помнили. Имя, говорит, писать, не буду. Вспомните — помянете. А не вспомните — сам виноват.

В руках старик держал картину. На ней был изображен дом с белой изгородью и прильнувший к окну человек. Он глядел в сад и показывал язык.

Павел засмеялся и крепко обнял старика. И старик засмеялся вместе с ним. И стало Павлу так хорошо на душе, точно город уже был построен и люди уже зажигали свет в своих новых домах, чтобы жить хорошо и смело и помнить обо всех — и о живых, и о мертвых. Даже если те и не мертвые вовсе. А всего лишь одинокие.

ТАК И ДЕНЬ ПРОЙДЕТ

День для Клавдии Васильевны начался не рано. Сам собой включился телевизор, и диктор полуденных новостей сообщил проснувшейся Клаве:

— В ГОРОДЕ ОТКРЫЛАСЬ НАВИГАЦИЯ. И СЕГОДНЯ — ВПЕРВЫЕ В ЭТОМ ГОДУ — РАЗВЕДУТ МОСТЫ.

Вместе с диктором Клавдия Васильевна позавтракала, под его голос оделась, уложила щеткой волосы — перекладывая прядь с одной стороны на другую, чтобы скрыть седину, украсила лицо: синюю краску на веки, розовую на щеки, черную на ресницы — и, уже одетой, дослушав про погоду:

— ДЕНЬ БУДЕТ НЕПРЕДСКАЗУЕМ — ДОЖДЬ ЗАКОНЧИТСЯ К ОБЕДУ, ВЕЧЕРОМ СОЛНЕЧНО, НОЧЬЮ ВОЗМОЖНЫ ЗАМОРОЗКИ И ДАЖЕ СНЕГ, — нажала на пульт, погасив телевизор, и вышла из дома — жить этот день на виду у всех.

Трамвай она вела осторожно, как в первый раз. Рельсы блестели после обеденного дождя, а улицу застилал предвечерний туман. И казалось, что город движется, а трамвай стоит. Поэтому, когда дорога пошла над рекой и стало проглядывать редкое в это время дня солнце, она велела машине ехать быстрее, чтобы скорее оставить мглу по ту сторону Невы.

Машин почти не было, и рельсы гудели спокойно, и казалось Клавдии Васильевне, что жить стало веселей. Тогда-то и появилась женщина. Точнее, ее шляпа. Темная, кажется, из фетра. Клавдия Васильевна еще подумала: «Наверное, из фетра, старомодная, сейчас таких не носят. Или снова носят» — и только потом нажала на сигнал — когда за шляпой на рельсах появилась вся женщина, в темном же пальто. Она посмотрела прямо в глаза Клавдии Васильевне, и потому она запомнила ее лицо. А больше женщину Клавдия Васильевна не видела. Она жала на тормоз, но теперь было совершенно очевидно: это трамвай движется, а город стоит.

Клавдия Васильевна вышла из трамвая и сначала ничего не разглядела. Потом узнала темную старомодную шляпу. И больше...

— НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ... ВЫ МЕНЯ АРЕСТУЕТЕ?

Молодой человек в форме поднял от бумаг глаза, посмотрел на Клавдию Васильевну и покачал головой.

— НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, — сказал он и дал подписать бумаги.

Когда Клавдия Васильевна ставила подпись, то увидела лист и на нем чужие слова: «Коля, прости меня. Больше не могу. Катя».

— Я КАТЮ УБИЛА? — спросила Клавдия Васильевна.

— ОНА САМА СЕБЯ УБИЛА. ИДИТЕ.

И Клавдия Васильевна пошла. К двери с табличкой «Кандаков Павел Николаевич. Директор ГУП „Трамвайный парк № 3“».

— ПОПРОЩАТЬСЯ ПРИШЛА, — сказала она, стоя в дверном проеме, — ГДЕ ПОДПИСАТЬ?

Павел Николаевич, откинувшись в кресле, закрыл глаза. Наверное, ему тяжело было смотреть на Клавдию Васильевну после того, как она убила человека, или просто директор ГПУ к вечеру устал от неотложных трамвайных дел, а теперь ему надо было решать, как прощаться с Клавдией Васильевной — с подписью или без.

— СКОЛЬКО ВАГОНОВ ВЫШЛО СЕГОДНЯ ИЗ ПАРКА В ГОРОД? — уточнил он у Клавдии Васильевны.

Она посчитала в уме по водителям — всех вспомнила, себя не забыла, ответила:

— СОРОК ДВА.

— А ЕСЛИ Я С ТОБОЙ ПОПРОЩАЮСЬ, СКОЛЬКО ВЫЙДЕТ ЗАВТРА?

— СОРОК ОДИН.

— ВОТ ИМЕННО, — сказал директор. — ИДИ ОТДЫХАЙ. ЗАВТРА В УТРО ВЫЙДЕШЬ.

— НО Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА, — напомнила Клавдия Васильевна. — МЕНЯ УВОЛИТЬ НАДО.

— НЕ МОГУ, — отказался директор. — У МЕНЯ ДРУГИХ ВОДИТЕЛЕЙ НЕТ. ДО ПЕНСИИ ДОЖИВЕШЬ — ТАМ ПОСМОТРИМ.

— Я-ТО ДОЖИВУ, — сказала Клавдия Васильевна. — А КАТЯ МОЛОДОЙ УМЕРЛА. ВЫ МЕНЯ ХОТЯ БЫ ОШТРАФУЙТЕ, ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ. МНЕ СОВСЕМ БЕЗ НАКАЗАНИЯ НЕЛЬЗЯ. СОВЕСТНО.

— НЕТ ТАКОГО ШТРАФА — ЗА УБИЙСТВО. ЗА ПРОГУЛЫ ЕСТЬ, ЗА ПОРЧУ ИМУЩЕСТВА ЕСТЬ, А ЗА ЧЕЛОВЕКА... ИДИ, КЛАВА, — попросил он устало и снова закрыл глаза.

Из трамвайного парка Клавдия Васильевна вышла в вечер. Перекресток был оживленный, и полицейский то и дело выключал светофор, выходил на дорогу и сам помогал водителям пропускать друг друга.

Клавдия Васильевна подождала, пока он вновь даст работу светофору, и подошла.

— ВЫ НЕ ПОДСКАЖЕТЕ...

Полицейский привык подсказывать и советовать, потому что в этом была его работа — указать нужный путь автомобилю и пешеходу.

— СЛУШАЮ, — согласился он.

— ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА? — спросила Клава у полицейского.

Он наклонился поближе, чтобы за дорожным шумом расслышать Клавдины слова, и попросил:

— ПОВТОРИТЕ.

И Клавдия Васильевна повторила.

Как она прибавила ходу, выбравшись на мост, как сначала увидела на рельсах женщину, а потом навсегда потеряла ее из виду, как узнала в участке, что ее зовут Катей, и как директор не нашел статьи для справедливости.

Полицейский задумчиво поглядел на Клавдию Васильевну, достал сигареты:

— ЗАКУРИТЕ?

— НЕ УМЕЮ.

— ЗРЯ. ПОМОГАЕТ.

И он затыкнулся дымом, задумчиво глядя на работу светофора и на людей, спешащих к своим конечным остановкам.

— ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ? — окликнула его Клавдия Васильевна.

— ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ — НЕ ЗНАЮ. МОГУ СКАЗАТЬ, КАК ПО ЗАКОНУ. НАДО ПРОТОКОЛ СОСТАВИТЬ, СВИДЕТЕЛЕЙ ОПРОСИТЬ И ЗАДЕРЖАТЬ ДО ВЫЯСНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ.

— ТАК ЗАДЕРЖАЛИ, ВЫЯСНИЛИ, И ОТПУСТИЛИ, — вздохнула Клава.

— ЗНАЧИТ, И Я НИЧЕМ ПОМОЧЬ НЕ МОГУ. НЕТ У МЕНЯ ТАКИХ ПОЛНОМОЧИЙ.

Полицейский выкинул сигарету и пошел на помощь светофору. Клавдия Васильевна глядела на то, как он идет мимо окон автомобилей, за которыми были разнообразные человеческие лица, и всем он был нужен в эту минуту, все ждали его помощи. И она, Клава, тоже ждала, хотя у него и не было таких полномочий.

— В ЦЕРКОВЬ СХОДИТЕ! — перекрикивая сигналы автомобилей, посоветовал он. — ИЛИ К БАПТИСТАМ. У МЕНЯ СВЕКРОВЬ ХОДИТ. ГОВОРИТ — ЗДОРОВО ПОМОГАЕТ.

Церковь была рядом. Клавдия Васильевна знала об этом по сцепке трамвайных путей: встречные провода со всех четырех сторон соединялись прямо напротив храма, и трамваи здесь шли тихим ходом, обдавая себя и чужие машины электрическими брызгами. Клава впервые шла к церкви пешком. Дверь в храм была самой обычной дверью, какие бывают в жилых домах, разве что выходила прямо на людный перекресток и встречала всех пришедших объявлением с крупными буквами.

Клавдия Васильевна внимательно читала их вслух, чтобы понять и запомнить:

— В ХРАМЕ СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА...

Дверь отворилась, скрывая буквы и выпуская наружу женщину и девочку.

— А ЕСЛИ У МЕНЯ ПЛАТКА НЕТ, МНЕ НЕЛЬЗЯ? — спросила Клава у них, чтобы больше не возвращаться к объявлению, а говорить с людьми.

— НА ВХОДЕ ВОЗЬМИТЕ. СЛЕВА КОРОБКА СТОИТ.

Девочка прыгала на одной ноге так, что обе косички ее тоже подпрыгивали и били по плечам — видно, внутри церкви она устала от тишины и покоя, и теперь жизнь поднималась в ней желанием двигаться. Она покрепче ухватилась за женщину и повлекла ее прочь от церкви.

— А КРЕСТИТЬСЯ ЗДЕСЬ ИЛИ ВНУТРИ? — спросила им вслед Клава, но они уже не слышали. Поэтому для порядка Клавдия Васильевна перекрестилась сначала снаружи, потом за порогом. В коробке у входа лежали разнообразные шелковые платки. Клавдия Васильевна вытасила белый — много раз кем-то надеванный — и с трудом устроила у себя на голове: шелк все время соскальзывал, норовил нарушить церковные порядки, которые запрещали женщинам быть в храме простоволосыми. Клава крепко затянула узелок под подбородком и еще раз перекрестилась. Люди в церкви стояли неподвижно и тихо — ни шепота, ни звука. Клава осторожно, чтобы не повредить всеобщему молчанию, прошла в храм. Со всех сторон смотрели на Клавдию Васильевну чужие нарисованные лица — они были как люди, но взгляд у них был направлен не на Клаву, а внутрь себя — и сколько бы она ни пыталась заглянуть им в глаза, все никак не могла. Из глубин церкви — совсем незаметно для Клавдии Васильевны — вышел мужчина в темном одеянии и с большим золоченым крестом. Точно общий вздох прошел по неподвижным мужчинам и женщинам, и, повинувшись правилам, сокрытым для Клавдии Васильевны, но ясным для них, прихожане встали в единую очередь.

— БАТЮШКА, БЛАГОСЛОВИ, — обратилась первая женщина к мужчине в темном.

Он перекрестил склоненную голову. Женщина поцеловала его руку, провела ею по своему лбу и отошла, давая дорогу другим. Клава тоже встала в очередь и, когда пришел ее черед, не умея просить благословения, только и сказала:

— ЗДРАВСТВУЙТЕ.

Мужчина перекрестил Клаву, дал ей руку для поцелуя, и она, держась за эту мягкую и полную ладонь, решилась.

— Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА, КАК ТЕПЕРЬ ЖИТЬ? — шепотом спросила Клава.

Батюшка не удивился вопросу — казалось, он слышал его много раз, много раз был чуток и справедлив ко всем, даже к убийцам, ибо так положено в этом месте, и насколько не разозлился на Клаву, а, не снижая голоса, ровно ответил:

— УМЫШЛЕННО?

— Я НЕ ХОТЕЛА. ОНА САМА.

— МОЛИТВАМИ И ПОСТОМ ОТМАЛИВАЙ ГРЕХ.

— Я НЕ УМЕЮ, — призналась Клава.

— СХОДИ НА ИСПОВЕДЬ, ПОКАЙСЯ. БОГ ПРОСТИТ.

— СЕЙЧАС?

— ЗАВТРА. ИСПОВЕДЬ ПОСЛЕ СЛУЖБЫ.

— МНЕ ЗАВТРА ПОЗДНО, — слезы навернулись на глаза Клавдии Васильевны, так ей хотелось получить прощение от Бога. — МНЕ СЕЙЧАС НАДО.

— ОБРАТИСЬ В МЫСЛЯХ К БОГУ, ПОДУМАЙ: МОЖЕМ ЛИ МЫ СКАЗАТЬ, КАКОЙ БЫЛА БЫ ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ УБИЕННОЙ?

— НЕТ, — подумала и решила Клавдия Васильевна.

— ОСОБЕННО В НАШЕ СМУТНОЕ ВРЕМЯ ПРИ ВСЕОБЩЕМ РАЗВРАЩЕНИИ МНОГИХ И МНОГИХ...

Теперь он говорил не для одной Клавдии Васильевны, а для каждого. И каждый в этом высоком доме с золочеными куполами прислушивался к его окрепшему голосу и узнавал о Клавдиной боли и понимал что-то важное для себя.

— УБЕРЕГЛАСЬ БЫ ОНА ОТ ГРЕХА? СОХРАНИЛА БЫ СЕБЯ В ЧИСТОТЕ ДЛЯ НЕТЛЕННОЙ ЖИЗНИ БУДУЩЕГО ВЕКА ИЛИ ВСТАЛА БЫ НА ПУТЬ ПОГИБЕЛИ?

— Я НЕ ЗНАЮ, — тихо сказала Клава. Ей было странно говорить при всех о Кате и о себе.

— МОЖЕТ, ЭТО БЫЛО ДЛЯ НЕЕ САМЫМ УДОБНЫМ ВРЕМЕНЕМ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К ВЕЧНОМУ БЛАЖЕНСТВУ? СИЕ ИЗВЕСТНО ТОЛЬКО ЕДИНОМУ БОГУ, А МЫ ДОЛЖНЫ ВЕРИТЬ: ОНА УШЛА В НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО КАК АНГЕЛ, И У ЕЕ РОДИТЕЛЕЙ ПОЯВИЛСЯ МОЛИТВЕННИК В РАЮ. АМИНЬ, — сказал батюшка.

— АМИНЬ, — повторил каждый, и даже Клава сказала вслед за всеми:

— АМИНЬ.

Батюшка вынул ладонь из Клавиной руки, перекрестился и протянул руку к следующему в очереди — чтобы каждый, а не только Клавдия Васильевна, сумел сегодня получить прощение и утешение.

— СВЕЧКУ ПОСТАВЬ, — подсказала Клавдии Васильевне старушка, снимавшая пальцами воск с оплывших свечей. — ЗА ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ.

Клавдия Васильевна взяла у старушки свечку, зажгла ее и поставила у иконы.

— МАТЬ-ЗАСТУПНИЦА, СПАСИ И СОХРАНИ, — перекрестилась на икону соседняя женщина, и Клава сделала то же самое:

— МАТЬ-ЗАСТУПНИЦА, СПАСИ И СОХРАНИ.

Женщина стала шепотом говорить молитву, но сколько ни прислушивалась Клавдия Васильевна, больше слов разобрать не смогла — а как молиться своими словами, она не знала, поэтому, постояв еще немного, она сняла платок, вернула его в коробку и вышла из церкви.

Фонари уже зажглись, и начался обычный весенний снег. Когда Клавдия Васильевна проходила в круглом свете фонарей, то видела реявшие в воздухе снежинки. В парке гуляли люди с собаками, люди с детьми и люди парами. Только Клавдия Васильевна была одна. Люди на нее оборачивались, и Клавдии Васильевне казалось — все знают, что она убила человека. «Как будто идешь из парикмахерской, — пришло в голову сравнение, — подстриглась с длинных волос на короткие и думаешь: все видят, оценивают, недоумевают: зачем решилась, для чего, как будешь жить дальше». А потом Клавдия Васильевна вспомнила, что так бывало только в воображении — на самом деле никто из прохожих друг другу не удивляется, тем более незнакомым прическам и людям, просто Клавдия Васильевна забыла снять желтую жилетку, отражающую свет специальными полосами, и теперь на нее оглядывались, потому что она светилась в темноте. Она села на скамейку, еще не задетую снегом — видно, кто-то сидел на ней до этого и оставил для Клавы свое тепло, — и достала мобильный телефон. Нажала на кнопку, разбудив экран и задумалась. Человеческие имена сменяли одно другое, и где остановиться, Клава не могла выбрать. Телефон решил сам. Звонила Таня.

— АЛЛО, — сказала Клавдия Васильевна. — ДОБРЫЙ. ТАНЯ! А Я ЧЕЛОВЕКА УБИЛА.

Телефона погас в руках Клавдии Васильевны, и было непонятно, слушает ее человек по ту сторону или уже отключил сигнал. Клавдия Васильевна даже стукнула по корпусу пару раз.

— АЛЛО, ТАНЯ! ТЫ СЛУШАЕШЬ?

Экран загорелся вновь, человеческий голос стал явственен в нем, шумлив и многословен.

— НЕ ПЛАЧЬ, ТАНЯ... — попросила Клавдия Васильевна. — НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, ОНА САМА ПОД ТРАМВАЙ БРОСИЛАСЬ. В ТЮРЬМУ НЕ ЗАБЕРУТ И ШТРАФОВАТЬ НЕ БУДУТ. ВСЕ ХОРОШО, ТАНЯ, ТЫ ТОЛЬКО НЕ ПЛАЧЬ.

Голос в трубке успокоился, и Клавдия Васильевна решилась:

— ТАНЯ, А ЕСЛИ Я К ТЕБЕ ПРИДУ? А... ХОРОШО. В ЦЕРКВИ УЖЕ БЫЛА. СКАЗАЛИ ЗАВТРА ПРИХОДИТЬ. АГА, ВЫПЬЮ. С МЕДОМ. ЛЯГУ. НЕ ПЕРЕЖИВАЙ, СПОКОЙНОЙ НОЧИ.

Она набрала другой номер.

— МАРИНА, ПРИВЕТ! — сказала Клавдия Васильевна. — В ТЕАТРЕ? НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. НИЧЕГО! ПЕРЕЗВОНЮ...

Выбрала новое имя.

— АППАРАТ АБОНЕНТА ВЫКЛЮЧЕН ИЛИ НАХОДИТСЯ ВНЕ ЗОНЫ ДЕЙСТВИЯ СЕТИ. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕЗВОНИТЕ ПОЗДНЕЕ, — сообщил ей женский голос.

Телефон погас, и Клавдия Васильевна положила его в карман. Рука от разговора замерзла, и надо было несколько раз сжать кулак и разжать и еще подуть на ладонь, чтобы кровь побежала быстрее. Глядя на свою руку, Клава вспомнила. У Кати были короткие ногти с красным, снятым по краям лаком. Эту руку Клавдия Васильевна видела. А Катиного лица уже после всего видно не было... Клава опустила руки и долго сидела так. Ей больше не хотелось ни с кем говорить и идти куда-то не хотелось. И потому она сидела, опустив голову, и глядела на свои руки, ничем не занятые. А потом грустить перестала, потому что женщина в таком же, как у Клавы, жилете, вручила ей железную мотыгу и пошла на дорогу — к мужчинам и женщинам в такой же одежде. Клава двинулась следом.

Мужчины специальными бурами поддевали трамвайные рельсы, заранее вывороченные экскаваторами из земли, а женщины железными мотыгами выкорчевывали болты и гайки. Клава посмотрела на их общий труд, приноровилась и принялась вместе со всеми за дело. Прямо на трамвайных рельсах желтые жилеты ужинали. Клава ела и заботилась только о том, чтобы не уронить бутерброд или булку: руки после железа с непривычки дрожали. Вдруг одна из женщин запела. Это было так странно в ночном городе, что Клава на секунду подумала — показалось. Нет. Женщина пела. Негромко, для своих. Мужчины и женщины слушали.

— Ой, летят утки и еще два гуся. Над быстринною пела Маруся. Пела, примяла травы руками. Ой, летят утки над берегами. Ой, летят утки по-над горою. Милый уехал с милой другою. Ой, летят утки, перья бросают. Любовь девичья не угасает. Ой, летят утки, перья бросают. Любовь девичья не угасает.

Пели уже на два голоса. Высокий и низкий.

— Любовь водою ты не потушишь. Ее бедою ты не засушишь. Ой, как посею я свою долю по суходолу по чисту полю. Ой, как посею я свою долю по суходолу по чисту полю...

Когда песня закончилась, Клава отряхнула крошки и встала.

— СПАСИБО, — сказала она. — И СПОКОЙНОЙ НОЧИ.

— А ЗАРПЛАТУ?

— МНЕ НЕ НАДО, Я НА ТРАМВАЕ РАБОТАЮ.

— СКОРО ОТМЕНЯТ, — посочувствовал ей самый молодой работник. Он говорил с людьми тихо, почти про себя, не поднимая глаз от телефона.

— ПОЧЕМУ? — не поверила Клава.

— УСТАРЕЛЫЙ МЕХАНИЗМ. РЕЛЬСЫ СНАЧАЛА ПО РАЙОНАМ РАЗБИРАЕМ, ПОТОМ В ЦЕНТРЕ ЛИКВИДИРУЕМ. — Экран перед ним все время светился, и буквы с картинками сменяли друг друга. — ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА УЖЕ ТРАМВАЕВ НЕ БУДЕТ.

— А ЧТО ЖЕ БУДЕТ? — удивилась Клава.

— МОНОРЕЛЬС. ИЛИ АВТОБУСЫ ЭКОЛОГИЧНЫЕ, — работник проводил рукой по телефону, и тот давал ему новые сведения обо всех людях и механизмах на земле. — НА ГАЗЕ И БЕЗ ВОДИТЕЛЕЙ.

— АВТОБУС БЕЗ ВОДИТЕЛЯ НЕ МОЖЕТ! — не согласилась Клава. — КТО Ж ЕГО ПОВОРАЧИВАТЬ БУДЕТ, КТО ОСТАНАВЛИВАТЬ?

— ЭЛЕКТРОНИКА. ТАК НАДЕЖНЕЙ. И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР ИСКЛЮЧЕН. ВСЕ ИЗ КОСМОСА УПРАВЛЯЕТСЯ. КОГДА ОСТАНОВИТЬСЯ, КОГДА ПОЕХАТЬ, — продолжал молодой работник.

— А ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК НА РЕЛЬСАХ? — оглядела всех Клава. — ТОГДА КАК?

Мужчины и женщины задумались. И даже самый молодой поднял взор от экрана.

— ТОГДА СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДАТЧИК НА АВТОБУСЕ ПОЛУЧАЕТ ТЕПЛОВОЙ СИГНАЛ ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА, НАПОДОБИЕ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ, И АВТОБУС ПЛАВНО, НО РЕЗКО ТОРМОЗИТ, — он изучал вопрос, и его нельзя было поставить в тупик такой легкой задачей.

— ЗНАЧИТ, И ЛЮДИ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫ БУДУТ ГОРОДУ? ТОЛЬКО МАШИНЫ? — совсем тихо спросила Клава.

— ТОЛЬКО МАШИНЫ, — подтвердил молодой человек. — ТАК НАДЕЖНЕЙ.

— ТАК НАДЕЖНЕЙ, — согласилась Клава, переступила через никому теперь не нужные рельсы и пошла прочь от жилетов и от расчищенной для будущего гладкой дороги.

Переполненный автобус нес Клавдию Васильевну по городу. Прижавшись к незнакомым спинам и плечам, не держась за поручни, Клавдия Васильевна чувствовала, что уже не совсем одна, что вот есть вокруг другие — молодые и старые — и, может быть, кто-то из них — случайно, сам того не желая, — тоже однажды убил человека и все-таки не стал жить по-другому, смог пережить это горе и так же, как она, Клава, едет домой по городу и мечтает о чае с медом и о просмотре телевизионного фильма. Мужчина с портфелем, невидимый для Клавы за чужими спинами, внимательно смотрел на нее и не сходил на остановках. Автобус к окраинам пустел, людей между ними становилось все меньше, а вскоре и вовсе никого не осталось. Только мужчина с портфелем и Клавдия Васильевна. Клава придвинулась к окну, чтобы смотреть на улицу и забыть о собственных мыслях. Она прижала лоб к холодному стеклу и так глядела на городские огни.

Мужчина с портфелем сел рядом.

— ПРОСТИТЕ, — сказал он. — ВАМ ПЛОХО?

— ОЧЕНЬ, — с готовностью ответила Клава. — А ВЫ ДОКТОР?

У него были белые красивые руки и внимательный взгляд.

— ВЫЗВАТЬ «СКОРУЮ»? — мужчина достал из кармана мобильный телефон, стал набирать «112». — ГДЕ БОЛИТ?

— ВОТ ЗДЕСЬ, — показала Клава.

— ЗНАЧИТ, СЕРДЦЕ, — сказал он и уже торопливо, но вдумчиво объяснял кому-то в телефон: — ПРОСПЕКТ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ... 42, НА ОСТАНОВКЕ БУДЕМ ЖДАТЬ. ОДЫШКА? ЕСТЬ. ГОВОРИТЬ МОЖЕТ. БОЛЬ ОСТРАЯ? — переспросил он у Клавы, отодвинув трубку ото рта.

Клава прислушалась к себе:

— ТУПАЯ.

— ТУПАЯ, — подтвердил он в телефон. — КОГДА НАЧАЛОСЬ? — снова обратился к Клаве.

— ЧАСОВ В ШЕСТЬ... Я ТРАМВАЙ ВЕЛА ПО ТРОИЦКОМУ, А ОНА ВЫШЛА. В ТЕМНОЙ ШЛЯПЕ, Я СНАЧАЛА ЕЕ ВСЮ НЕ ЗАМЕТИЛА. А ПОТОМ ТОРМОЖУ. И НЕ ВЫХОДИТ. КАК НАРОЧНО, СЦЕПЛЕНИЯ НЕТ И ВСЕ. ТАК БЫВАЕТ, ЕСЛИ НА СКОРОСТИ БРАТЬ МОСТ. МНЕ ВСЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО КАК СОН. ЧТО МОЖНО КУДА-ТО НАЖАТЬ ИЛИ СЛОВО СКАЗАТЬ — И ВСЕ НАЗАД ОТМОТАЕТСЯ. КАК В ФИЛЬМЕ, ЗНАЕТЕ. ВЕДЬ ЛЮДИ В КОСМОС ЛЕТАЮТ, АТОМНЫЕ КРЕЙСЕРЫ СТРОЯТ, ВЕДЬ МОГЛИ ОНИ ПРИДУМАТЬ ТАКОЕ УСТРОЙСТВО, ЧТОБЫ ВСЕГО ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО СЕКУНД НАЗАД ПЕРЕМОТАТЬ...

— ПОДОЖДИТЕ МИНУТУ, — сказал мужчина в трубку. — ИЗВИНИТЕ, — обратился он к Клаве: — У ВАС СЕРДЦЕ БОЛИТ?

— ДУША.

— «СКОРОЮ» ВЫЗЫВАТЬ? — уточнил он еще раз, внимательно глядя Клаве в глаза. Она покачала головой, и он потушил экран телефона, спрятав в карман. — ТОГДА Я ВАС ПРОВОЖУ.

— НЕ НАДО, — попросила Клавдия Васильевна, — НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ, — и вышла на остановке, потому что автобус как раз остановился и открыл переднюю, самую ближнюю к ним обоим дверь. Клава осталась стоять на остановке, а мужчина прошел весь салон автобуса целиком, до самого заднего стекла, глядя на Клаву, желая удостовериться, что с сердцем у нее все в порядке и «скорая» действительно не нужна. Клава махнула ему рукой — все хорошо, справлюсь! — но мужчина, пожалуй, и впрямь был доктор. Он еще долго смотрел на Клаву, пока ее жилет с отражающими полосками не скрылся за поворотом, а потом остановил водителя, вышел на дорогу и, ускоряя шаг, вернулся к ней.

— Я НЕ МОГУ ВАС ТАК ОСТАВИТЬ, — извинился он перед Клавой. — Я ПРИДУМАЛ, КАК ВАМ ПОМОЧЬ!

И дальше они пошли вместе.

Возле участка, где Клавдию Васильевну не стали арестовывать, а отпустили, она остановилась.

— ТУДА НЕ ПОЙДУ, ИДИТЕ САМИ, — и даже отвернулась от двери с единственным — но ярким — фонарем.

— Я НЕ МОГУ, Я НИКТО. А ВЫ — ФИГУРАНТ.

Протестовал доктор слабо, тоже как-то вдумчиво и даже — показалось Клаве — ласково.

Но она вспомнила записку, шляпу — «ВЕЩДОКИ», как надписал их молодой человек в форме — и упрямо повторила:

— ВЫ ПРИДУМАЛИ — ВЫ И ИДИТЕ.

И доктор подчинился. Он долго не возвращался. Клавдия Васильевна обошла сначала здание целиком, потом заглянула в окно, но за плотной шторой ничего не смогла разобрать, приоткрыла дверь с пустым коридором и уже решила войти внутрь, как показался доктор. Устройство его было таково, что все чувства тут же отражались на лице, в походке и — в руках. Он торжествующе нес над головой лист бумаги. И значилось на нем всего два слова и две цифры.

— ЛЕВАШОВСКИЙ ПРОСПЕКТ, СОРОК ДВА, ДВА! — огласил их доктор. — ЭТО БЛИЗКО. Я ПОКАЖУ, — и, взяв Клавдию Васильевну под руку, повел ее за собой.

Скоро Клавдия Васильевна устала. Она привыкла возить себя и людей в железной машине, а ходить не привыкла.

— ДАЛЕКО ЕЩЕ? — спросила она у доктора.

— ВЫ УСТАЛИ? СЕРДЦЕ? ТОГДА НА ТАКСИ.

— ЗАЧЕМ ЖЕ ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО БЛИЗКО? — спросила Клава, когда они сели в машину.

— МЕНЯ ДВА ЧАСА КАК ИЗ БОЛЬНИЦЫ ВЫПИСАЛИ. ХОТЕЛ ПРОГУЛЯТЬСЯ.

— ТАК ВЫ НЕ ДОКТОР, ВЫ БОЛЬНОЙ? — удивилась Клава. — ЧТО ЖЕ ВЫ ПУЛЬС У МЕНЯ ЩУПАЛИ?

— А Я В БОЛЬНИЦЕ ПРИВЫК. МЫ ДРУГ ДРУГУ ПОКАЗАТЕЛИ ПО УТРАМ СВЕРЯЛИ, ВОТ И У ВАС РЕШИЛ ПОМЕРИТЬ. ДА ВЫ НЕ БОЙТЕСЬ, МНЕ НЕ ТРУДНО. ГЛАВНОЕ — СОСЧИТАТЬ ПРАВИЛЬНО.

— МОЖЕТ, ВЫ МАНЬЯК?

— Я ИНЖЕНЕР. НА БАЛТИЙСКОМ ЗАВОДЕ РАБОТАЮ. С ИНФАРКТОМ ЛЕЖАЛ ДВА МЕСЯЦА, ТЕПЕРЬ УЖЕ СПИСАЛИ, НАВЕРНОЕ. ПОЙДУ НА ПЕНСИЮ, БУДУ РАССАДУ ВЫРАЩИВАТЬ.

— У ВАС И ДАЧА ЕСТЬ?

— ЕСТЬ. ХОРОШАЯ ДАЧА. НА БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА, С ОКНАМИ В МОРЕ. ХОТИТЕ, ЛЕТОМ ВМЕСТЕ ПОЕДЕМ?

— ВОТ ТАК ДОКТОР, — захотела Клавдия Васильевна. — ЧАС КАК ПОЗНАКОМИЛИСЬ, А ОН УЖЕ НА МОРЕ ВОЗИТ! ЖЕНАТ?

— РАЗВЕДЕН.

— ВСЕ ЯСНО. ЖЕНСКОЙ ЛАСКИ ЗАХОТЕЛОСЬ. НЕ ВЫЙДЕТ. НЕ НА ТУ НАПАЛИ.

И Клавдия Васильевна двинулась подальше от доктора, поближе к двери.

Когда машина встала, доктор вышел первым и для удобства подал Клавдии Васильевне руку.

— РАЗВЕДЕН Я УЖЕ ЛЕТ ДВАДЦАТЬ. С МОЛОДОСТИ. А ВЫ МНЕ ПРОСТО НРАВИТЕСЬ. — И он аккуратнo, дeлaя Клаву легкой для самой себя, помог ей выйти в город.

Светофор дал сигнал, и женский голос сообщил, что переход Чкаловского проспекта разрешен. С тротуара напротив покатилаcь людская волна. Доктор все держал Клавдию Васильевну за руку, а когда волна достигла их обоих, притянул крепче к себе, точно больше никогда не хотел отпускать.

— Я НЕ ПОЙДУ, — сказала ему Клава. — БОЮСЬ!

Доктор сильнее обнял ее — то ли, чтобы Клаву не забрали с собой идущие люди, то ли просто хотел утешить. Не задерживаясь на перекрестке, пешеходы разошлись по своим неотложным делам, и только Клавдия Васильевна с доктором никуда не спешили. Надо было отпускать друг друга, но никто не делал это первым. Тогда Клавдия Васильевна — уже тихо, только для доктора — повторила:

— БОЮСЬ ИДТИ...

Доктор разжал руки.

— ВЫ КОГДА ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ЕЛИ?

— НЕ ПОМНЮ... ДО ВАС ЕЩЕ.

Он выкладывал из портфеля вареные сосиски, огурец с помидором, хлеб. Клава отдыхала на скамейке под светящейся вывеской, смотрела на руки доктора, на его лицо. Кинотеатр был окружен домами, и люди в нем уже начали смотреть чужую историю любви, поэтому, кроме Клавдии Васильевны и доктора, никого в этом дворике не было.

— У МЕНЯ С ОБЕДА ОСТАЛОСЬ. ДУМАЛ — ВЫПИШУСЬ, А ДОМА ЕСТЬ НЕЧЕГО. ВОТ И ВЗЯЛ. ПОЕШЬТЕ. ТОГДА СИЛЫ ПОЯВЯТСЯ.

— МОЖЕТ, НЕ ХОДИТЬ? — спросила Клава, жуя огурец.

— СХОДИТЬ НАДО, — ответил доктор, откусывая хлеб. — ЛЕГЧЕ СТАНЕТ. КОГДА ДУША БОЛИТ, НАДО С ЛЮДЬМИ РАЗГОВАРИВАТЬ. У ВАС МУЖ ЕСТЬ?

Клава покачала головой.

— ДЕТИ?

— НЕТУ. НЕ ЗАВЕЛА.

— ЗНАЧИТ, СОВСЕМ ОДНА?

— ОДНА, — гордо сказала Клавдия Васильевна. — И НЕ ЖАЛЮЮСЬ!

— ТОГДА ТЕМ БОЛЕЕ — ИДТИ НАДО. У МЕНЯ ИНФАРКТ ОТЧЕГО БЫЛ, ЗНАЕТЕ? ОТ ТОГО, ЧТО МОЛЧАЛ МНОГО. ВСЕ В СЕБЕ. ХОТИТЕ ИНФАРКТ?

— Я ЖИТЬ ХОЧУ И РАБОТАТЬ, — сказала Клава и первой встала, чтобы идти по нужному адресу.

Квартира номер два была на первом этаже, слева по площадке. Доктор стоял у подножия лестницы, в самом ее начале — чтобы Клавдия Васильевна сама дошла до квартиры и сама говорила с хозяевами. Она смело сделала несколько шагов до квартиры,

но у самого порога оглянулась на доктора. Он кивнул ободряюще, спокойно, и она, вздохнув глубоко, нажала на звонок. Дверь открыла женщина. За ее спиной угадывался длинный коридор со множеством дверей.

— ВАМ КОГО? — сказала женщина.

— КАТЯ ЗДЕСЬ ЖИВЕТ? ЖИЛА... — поправилась Клавдия Васильевна.

Женщина всмотрелась в лицо Клавдии Васильевны, узнавая, обняла ее и ввела в комнату, третью от входа.

— ОНА ВАС ЖДАЛА, — сказала женщина. — ГОВОРИЛА: МАМА ПРИЕДЕТ, ЖИТЬ СТАНЕТ ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАНЕТ ВЕСЕЛЕЙ. ОПОЗДАЛИ...

В комнате были низкий потолок и большое окно. Стол, занавеска, кровать и книги. Книг было так много, что они заменяли собой всю остальную мебель. Книги-тумбочки, книги-стулья, даже книги-подушки. Больше в комнате ничего не было.

— ВОТ ЕЕ ПОСУДА, ВОТ ДНЕВНИК, ВОТ УКРАШЕНИЯ, — выкладывала вещи на стол перед Клавдией Васильевной соседка. — КВИТАНЦИИ ЗА ГАЗ, ЗА ВОДУ, ЗА СВЕТ. ДОЛГ. ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ.

— А ГДЕ КОЛЯ? — спросила Клавдия Васильевна.

— НА ФОНТАНКЕ ЖИВЕТ, НАПРОТИВ ЦИРКА, ДОМ СОРОК СЕМЬ, КВАРТИРА ВОСЕМЬ, — женщина отвечала скоро, точно ждала вопроса и была готова к нему — отыскала фотографию Коли среди квитанций и документов, подала Клавдии Васильевне. — ТОЛЬКО ВЫ К НЕМУ НЕ ХОДИТЕ. ОН ЖЕНАТ.

— А РОДСТВЕННИКИ У КАТИ ЕСТЬ?

Женщина перестала выкладывать вещи и посмотрела на Клавдию Васильевну как в первый раз — на ее жилет, руки, обувь.

— ВЫ ИЗ ЖЭКА?

— Я ОТ КАТИ. ЭТО Я ЕЕ УБИЛА. ХОТЯ В МИЛИЦИИ СЧИТАЮТ — ОНА САМА. НО ИЗ-ЗА КОЛИ.

— САША! — крикнула женщина в коридор. — ЗОВИ МИЛИЦИЮ!

— НЕ НАДО МИЛИЦИЮ, — попросила Клава. — Я ТОЛЬКО ЧТО ОТТУДА. МЕНЯ НЕ БЕРУТ.

— САША! — повторила женщина и, обойдя Клавдию Васильевну, закрыла дверь.

Клава слышала, как повернулся в замочной скважине ключ, как стали шептаться голоса за дверью, как мужской голос позвал в телефон «АЛЛО! МИЛИЦИЯ!». Тогда Клавдия Васильевна отошла от двери и вернулась к столу, квитанциям и прочим Катиным вещам. Дневник открывать не стала, заколку для волос подержала в руках и отложила, фотографию Коли поднесла к окну, на свет, чтобы внимательно рассмотреть. Он был молод и хорош собой — жизнь еще только начинала проступать на его лице морщинами и складками, и то незаметными — у губ — оттого что часто смеется, у переносицы — оттого что хмурится, но они не портили его, напротив. Клавдия Васильевна залюбовалась Колей. Хлопнула дверь, с размаху кем-то брошенная, и появился доктор.

— ВОТ ОНА, — подсказала женщина. — И ГЛАВНОЕ, ЗАШЛА НАГЛО КАК К СЕБЕ ДОМОЙ.

Доктор подошел к Клавдии Васильевне, крепко ухватил ее за локоть.

— ПОМОЧЬ? — подошел к другому локтю Саша.

— НЕ НАДО, — приказал доктор и вывел Клаву в коридор. — СВОЮ РАБОТУ ЗНАЕМ.

— КАК БЫСТРО ПРИБЫЛИ! — удивилась соседка. — СЛОВНО ПОД ДВЕРЬЮ ЖДАЛИ.

— ПО ВСЕМУ ГОРОДУ ИЩЕМ, ЗДЕСЬ ЗАСАДА БЫЛА, — объяснил доктор.

— А ДОЛГ? — уточнила соседка. — ЗА ГАЗ И ВОДУ, ЗА СВЕТ. ПЯТНАДЦАТЬ ТЫСЯЧ!

— ДОЛГ ПРИДЕТСЯ ВАМ ЗАПЛАТИТЬ. ПОКА СЛЕДСТВИЕ, СУД, ЭТАП, НАЧИСЛЕНИЕ — У ВАС ТАКАЯ ПЕНЯ НАКАПАЕТ, ЧТО ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ОТРУБЯТ, ВОДУ ПЕРЕКРОЮТ И ГАЗ ОТРЕЖУТ.

— ЗНАЧИТ, ЗАПЛАТИМ, — вздохнула соседка. — БЕДНАЯ КАТЯ...

Доктор вывел Клавдию Васильевну на улицу и для порядка — все так же под локоть — отвел за угол.

— НАВЕРНОЕ, СИНЯК ОСТАНЕТСЯ — сказала Клава, потирая ухваченное доктором место.

— НАДО ХОЛОДНОЕ ПРИЛОЖИТЬ, — и, захватив с газона нападавший свежий снег, оголил Клавину руку, приложил холодное к локтю. Так они стояли, ожидая, пока снег растает окончательно.

— ВСЕ, — сказал доктор. — ПРОШЛО?

— НЕТ, — покачала головой Клава, прислушиваясь к себе. — БОЛИТ.

Доктор послушно зачерпнул еще снега, но Клава остановила его.

— У МЕНЯ ИЗ-ЗА КАТИ ДУША БОЛИТ. ИЗВИНИТЬСЯ ХОЧУ. ПОЙДЕМТЕ К КОЛЕ?

Теперь доктор шел первым.

Молодой человек с фотографии открыл ему дверь.

— КОЛЯ, ВЫХОДИ НА МИНУТУ, — позвал доктор.

— Я НЕ КОЛЯ, — сказал Коля и стал затворять дверь.

Но доктор поставил ногу на Колин порог и позвал за спину:

— КЛАВА!

Клавдия Васильевна поднялась на этаж.

— ЗДРАВСТВУЙТЕ, КОЛЯ, — сказала Клава.

— Я НЕ КОЛЯ! — снова отказался Коля.

Тогда доктор взял его за воротник и легко встряхнул.

— ЖЕНАТ?

— ЖЕНАТ! — доверчиво поникнув в руках доктора, ответил не Коля.

— И ДЕТИ ЕСТЬ? — укорил его доктор.

— ДВОЕ, — согласился он.

— ПОДЛЕЦ ТЫ, — сказал доктор и ударил не Колю по щеке.

— ЗА ЧТО? — спросил он, держась за лицо, растерянно глядя на доктора и на Клаву.

— ЗА КАТЮ! — сказал доктор и ударил еще раз.

— ЛЕВА! — позвал из-за двери женский голос. — КТО ТАМ?

На порог пришла девушка с грудным ребенком. Второй — годовалый мальчик — держал ее за платье и серьезно вглядывался во взрослых.

— ТАК ТЫ НЕ КОЛЯ? — удивился доктор.

— ЛЕВА!

— А ГДЕ КОЛЯ? — уточнила Клава.

— Я ПОКАЖУ, — сказала девушка. — ЗАХОДИТЕ.

Тогда доктор поставил Леву на порог и вместе с Клавдией Васильевной вошел в квартиру.

С экрана компьютера на них смотрел Коля — он был такой же, как Лева, только моложе — веселее, задорнее. Коля в зоопарке, Коля за рулем, Коля в магазине — фотографии сменяли одна другую под грустную мелодию, на одной из них появились вместе Коля и Лева.

Доктор нажал на паузу, девушка включила свет.

— ДАВНО ОН? — уточнил доктор.

— ПОЛГОДА НАЗАД. КОНДИЦИОНЕРЫ В ЦЕХУ НА ИЖОРСКОМ ЗАВОДЕ СТАВИЛ. ПО СТРЕМЯНКЕ ПОД ПОТОЛОК ЗАБРАЛСЯ, А ТАМ ПАРУСНОСТЬ КАКАЯ, ЗНАЕТЕ? ПОЛ БЕТОННЫЙ. МГНОВЕННАЯ СМЕРТЬ.

Заплакал грудной ребенок, и девушка пронесла его мимо Клавдии Васильевны в другую комнату. Годовалый мальчик ушел следом. Втроем они еще помолчали про Колю, и Клавдия Васильевна встала.

— ПРОСТИТЕ НАС. МЫ ПОЙДЕМ.

— А КАТЯ ДАВНО? — спросил Лева.

— СЕГОДНЯ, — за Клаву ответил доктор.

— ЗНАЧИТ, УЖЕ ВСТРЕТИЛИСЬ, — сам себе сказал Лева. — ОНИ ПОЖЕНИТЬСЯ ХОТЕЛИ. КАК ТАМ ГОВОРЯТ? БРАКИ НА НЕБЕСАХ?

Клавдия Васильевна спускалась по лестнице первой. Доктор шел следом, но вскоре отстал и, держась за сердце, тяжело опал на ступени. Клавдия Васильевна обернулась на звук. Он сидел, привалясь к перилам, выпустив кожаный портфель из рук.

— ЧТО ВЫ? — Клава бросилась к доктору, прижала ладонь к его лбу, заглянула в глаза, прислонилась к сердцу, послушала.

— ВАМ НЕЛЬЗЯ ВОЛНОВАТЬСЯ! ИНФАРКТ БЕРЕЧЬ НАДО!

— ЭТО НИЧЕГО, СКОРО ПРОЙДЕТ, — прошептал доктор побелевшими губами. — ПОЛЕЖАТЬ БЫ ПОЛЧАСИКА... В БОЛЬНИЦУ НЕ ВЕРНУСЬ. НА ВОЛЕ ХОЧУ. С ВАМИ... — доктор взял Клавиноу руку в свою, прижал к губам.

— ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ?

— ПАРНАС... — прошептал доктор.

— ЗНАЧИТ, КО МНЕ, — решила Клава и помогла доктору встать, перекинув его руку через свое плечо. Он задыхался ровнее, кровь вновь прилила к щекам, взгляд повеселел. Вместе они спустились по ступеням и вышли на воздух.

Доктор лежал, а Клава готовила. Разбивала в сковородку яйца, резала лук, покрывала маслом хлеб. Негромко разговаривал телевизор. От тепла окна запотели, и было в квартире тесно и уютно. Работая над едой, Клавдия Васильевна иногда видела в темном стекле свой портрет, улыбалась ему, вскидывая голову. Доктор отражался с нею рядом, и Клавдия Васильевна раздвинула занавески — чтобы в окна напротив был виден мужчина в ее доме, и она сама — счастливая. Сев рядом, она поднесла доктору вилку с едой.

— ЧТО ВЫ КАК МАЛЕНЬКОМУ? — протестовал он слабо, но Клавдия Васильевна сдалась: ей хотелось, чтобы доктор чувствовал себя здоровым и сильным. Она послушно отдала ему приборы и стала смотреть, как он ест.

— А ВЫ? — спросил доктор.

— НЕ ХОЧЕТСЯ, — ответила Клавдия Васильевна, не отрывая взора от его лица. — ВЫ ЕШЬТЕ. У МЕНЯ ДАВНО НИКТО НЕ ЕЛ, И Я ОТВЫКЛА.

Доктор повиновался и иногда глядел в ответ на Клаву и улыбался ей между приемами пищи. Потом они смотрели конкурс фокусников по телевизору, и Клава сидела на диване рядом с доктором и боялась пошевелиться, потому что он устроил свою руку на плюшевой спинке, над Клавиными плечами, и казалось, обнимал ее, так что двигаться Клаве не хотелось, а хотелось просто сидеть с ним рядом и смотреть на фокусы. Когда конкурс закончился и диктор стал рассказывать новости, доктор нажал кнопку на пульте, чтобы ушел звук, привлек Клаву к себе и поцеловал.

Если бы соседи смотрели в открытые занавески Клавиных окон, то увидели бы только ровное свечение телевизора, а не отдельных мужчину и женщину, потому что доктор и Клавдия Васильевна теперь были совсем вместе.

Когда они лежали на диване после всего, Клавдия Васильевна погладила доктора по волосам и сказала:

— Я ТЕПЕРЬ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ КАТЯ УМЕРЛА. ЛУЧШЕ ПОД ТРАМВАЙ, ЧЕМ НИКОМУ НЕ НУЖНОЙ.

— ЖАЛКО ЕЕ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, — согласился доктор. — И ПОХОРОНИТЬ НЕКОМУ.

— Я ДЕНЕГ ДАМ! — Клавдия Васильевна села на диване, закутавшись в простыню. — У МЕНЯ ЕСТЬ!

И Клавдия Васильевна в простыне дошла до шкафа, выдвинула ящик и достала деревянную шкатулку.

— СТО ТЫСЯЧ! — показала она доктору плотную пачку.

— СТО ТЫСЯЧ ТОЛЬКО НА ГРОБ ХВАТИТ. НА ВЕНОК. И НА МЕСТО НА КЛАДБИЩЕ. ЧТОБ НЕ С БОМЖАМИ, — сказал доктор. — СЕБЕ ОСТАВЬ.

— ПОХОРОНЮ КАК РОДНУЮ, — решила Клава. — У МЕНЯ ЕЩЕ СЕРЕЖКИ ЕСТЬ. ЗОЛОТЫЕ. И ПЕРСТЕНЬ С РУБИНОМ. И КРЕСТИК — В НЕМ АЛМАЗНАЯ КРОШКА НАСЫПАНА, А ГЛАЗА ИЗ БРИЛЛИАНТОВ. МАЛЕНЬКИЕ, НО ОГРАНЕННЫЕ.

Клавдия Васильевна достала из другого шкафа хрустальную вазу с украшениями и ссыпала их на диван, возле доктора.

— ЗОЛОТО В МОРГЕ НЕ ПРИМУТ, — отодвинув сережки, крестик и перстень, доктор отвернулся к стене. — А ВО ВСЕМ ГОРОДЕ ТОЛЬКО ОДИН ЛОМБАРД КРУГЛОСУТОЧНЫЙ, И ТОТ У МОЕГО ДОМА.

— ПОМЕНИЙТЕ! — попросила Клавдия Васильевна. — МНЕ С УТРА НА ТРАМВАЙ, Я НЕ УСПЕЮ. ЗАТО В ОБЕД И МЕСТО НА КЛАДБИЩЕ КУПЛЮ, И ЛЕВЕ НА ГРОБ ДЕНЕГ ДАМ, И СОСЕДКЕ ЗА ГАЗ ВЫПЛАЧУ. ПОМЕНИЙТЕ!

— ЧТО ТЫ МНЕ ВЫКАЕШЬ, — обиделся доктор, повертываясь к Клаве и прижимая ее к себе. — ВРОДЕ НЕ ЧУЖИЕ.

Клавдия Васильевна обняла его крепче, а потом отпустила и стала складывать золото сначала в целлофановый пакет, потом еще в один и во внутренний карман докторского пальто, застегнутый на молнию.

— А СТО ТЫСЯЧ КАК? В МОРГ ОДНУ СУММУ, ЛЕВЕ ДРУГУЮ, СОСЕДКЕ ТРЕТЬЮ, А У ТЕБЯ ДЕСЯТКИ ДА ПЯТЕРКИ.

— НАДО НА МЕЛКИЕ РАЗБИТЬ, — придумала Клавдия Васильевна и, свернув деньги, уложила их в бумажный конверт из-под коммунальных счетов, а потом в нагрудный карман докторской рубашки. — ПО ТЫСЯЧЕ И ПО ПЯТЬСОТ.

Клавдия Васильевна протянула доктору, уже одетому полностью и стоявшему на пороге, его портфель.

— НЕ НУЖНО, — он отодвинул портфель рукой. — ТАМ ПРОЕКТ ВАЖНЫЙ. МНЕ ЕГО ЗАВТРА НА ЗАВОДЕ ПРЕДСТАВЛЯТЬ. МОИ РАЗРАБОТКИ МИЛЛИОНОВ ПЯТЬСОТ СТОЯТ. В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ. БОЮСЬ ПОТЕРЯТЬ.

— Я ПОБЕРЕГУ, — сказала Клава. — ВОЗВРАЩАЙСЯ СКОРЕЕ. БУДЕМ ЧАЙ ПИТЬ.

Доктор поцеловал ее в губы и спустился по лестнице. Она закрыла за ним дверь и прижала портфель к груди — чтобы еще некоторое время не расставаться с вещами своего мужчины. Портфель стыдливо скрипнул кожей и легко сжался в руках Клавы — он был тонким и гибким, будто не содержал внутри себя проект на пятьсот миллионов в одном экземпляре. Клавдия Васильевна отстегнула замок и заглянула внутрь. В портфеле лежали остатки бутерброда, и больше ничего. Клавдия Васильевна вытащила хлеб с вареной сосиской, отложила на тумбочку у вешалки и перевернула портфель. Только крошки посыпались из него. Она потрясла еще раз, но портфель был окончательно пуст. Клавдия Васильевна натянула одежду, ботинки и выбежала во двор. На свежевывавшем снегу отчетливо виднелась цепочка темных следов, и Клава бежала по ним, пока не оказалась у перекрестка со множеством обувных отпечатков — люди встречались здесь, расходились, обгоняли друг друга.

— ДОКТОР! — закричала Клавдия Васильевна, но ей никто не ответил.

Только парень с собакой оглянулся на Клаву.

— ДОКТОР! — изо всех сил крикнула она еще раз.

— ВАМ ПОМОЧЬ? — спросил парень, а собака сочувственно наклонила голову.

Клавдия Васильевна молчала, вспоминая сегодняшний день, и людей в жилетах, и песню про любовь, и доктора, глядевшего ей вслед до тех пор, пока не повернул автобус, и живую Катю, и ее лицо, и старомодную шляпу, и хрустальную вазу, где лежали сережки.

— СЕРЕЖКИ УКРАЛИ, — объяснила она парню с собакой и задохнулась от жалости к себе. — И КРЕСТИК... — Клавдия Васильевна всхлипнула.

— ЭТО НЕ СТРАШНО, — успокоил ее парень. — ГЛАВНОЕ, ЧТО ВСЕ ЖИВЫ.

— ГЛАВНОЕ, ЧТО ВСЕ ЖИВЫ, — повторила Клавдия Васильевна и пошла прочь от его сочувственных слов, от сговорчивой собаки и от своего дома с распахнутыми занавесками — куда глаза глядят.

Шла она долго, соседнего района совсем не знала, потому брела наугад — через дворы и перекрестки, мимо супермаркетов и хозяйственных пристроек, вдоль домов и велосипедных дорожек, — пока не вышла на набережную. Снег прекратился, и река стояла перед Клавой темная, устойчивая, почти немая. Подойдя к перилам, Клавдия Васильевна посмотрела на черные водовороты, размахнулась и кинула портфель в реку. Потом еще постояла, глядя на отражения высотных домов в воде, на огни, окаймлявшие тот берег, на разведенный мост. Под ним пошли редкие баржи — первые в этом году. Корабли плыли мимо Клавы, но ни одной живой души не было видно с ее берега, и казалось — просто темные механизмы сами по себе, ведомые космосом, а не человеком, движутся вперед к невидимой цели. Клавдии Васильевне стало жутко, и она пошла на свет и звук человеческих голосов — это впереди, кварталах в двух от нее, гремел и выливался на набережную всем своим людским разнообразием ночной клуб.

Люди вокруг Клавы были совсем молодые. Красивые, веселые, пьяные. Девочка в белой блузке и бордовой юбке, напоминавшей фартук, поставила перед Клавдией Васильевной стакан с маленькой круглой ручкой и коричневым стручком, торчавшим над окаемкой.

— ПЕЙТЕ ГОРЯЧИМ, — перекрикивая музыку, попросила девушка. — ТАК ВКУСНЕЕ.

Клавдия Васильевна отпила — вино было обжигающим, вкусным — и быстро согрелась. Молодые люди по очереди пели в микрофон песни. Много было на английском языке, реже — на русском. Клавдия Васильевна читала вместе с певцами слова, появлявшиеся на экранах, висевших над столиками, и все глядела на молодые лица, шепча про себя:

— Я ВАС ЛЮБЛЮ. ХОРОШИЕ МОИ. РОДНЫЕ. ТОЛЬКО ЖИВИТЕ.

— ЧТО ВЫ СКАЗАЛИ? — наклонилась к ней девушка в фартуке.

— ТОЛЬКО ЖИВИТЕ, — повторила Клава.

— ХОРОШО, — улыбнулась девушка. — ВАМ ЕЩЕ ВИНА?

— НЕ НУЖНО, — сказала Клава.

Микрофон дали Клавдии Васильевне, но она не знала, какую песню ей хочется, и передала микрофон соседу. Он запел на английском — красиво и громко. Песню подхватили другие, и вот уже весь клуб подпевал незнакомый для Клавы мотив. Она встала, чтобы уйти, но юноша с микрофоном подхватил Клавдию Васильевну, прошел с ней в танце, передал другому, тот — третьему. Разгоряченные, юные лица — еще не мужчины, уже не мальчики — сменялись перед ее глазами, признавались в любви, молили о страсти. Один из них прижал Клаву к себе и твердо поцеловал прямо в губы.

Из ночного клуба гремящей толпой высыпались на тротуар. Продолжая петь, обнявшись, пошли прочь от шумливого места и, выпустив Клавдию Васильевну из своих объятий, оставили одну на сведенном мосту. Небо уже начинало светлеть. Она шла над Невой, думала о себе и о всех людях, которые жили и умерли, и пришла прямо к трамвайному парку. Железные ворота открылись, и первые трамваи пошли по городу к своим пассажирам. Клавдия Васильевна подошла к вагону. Трамвай стоял пустой, беззвучный. Она остановилась возле его фары, по привычке протерла ее рукой. Из кабины достала ведро с тряпкой, стала мыть трамвай изнутри и снаружи.

— ВОТ ТАК, — сказала она железной машине, вытирая ее морду, — НЕТУ КАТИ... ВЗЯЛА И УМЕРЛА... ВОТ ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛА ДОЧКА... И УМЕРЛА... ВЕДЬ ЖАЛКО... — и Клавдия Васильевна заплакала, облокотясь о трамвайный фонарь.

Потом успокоилась, вытянула из-под трамвая железный башмак-тормоз, села в свой вагон, включила рычаг и вывела трамвай на проспект, где ее уже ждали первые пассажиры.

— БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ ДРУГ К ДРУГУ, — просила их Клава по громкой связи «пассажир-машинист», — УСТУПАЙТЕ МЕСТА БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ, ПАССАЖИРАМ С ДЕТЬМИ И ИНВАЛИДАМ.

И пассажиры слушались Клавдию Васильевну, держались за поручни, оплачивали проезд и выходили на нужных остановках, потому что Клава не забывала сообщать им о том, что следующая — «Станция метро „Обводный канал“». И всем она была нужна в эту минуту, и все были нужны ей. Потому что в городе началось утро — самая рабочая пора для трамваев и людей, какими бы они ни были и куда бы ни ехали.